

МОТИВ МЕТАФИЗИЧЕСКОЙ СМЕРТИ В РОМАНЕ В. НАБОКОВА «ЗАЩИТА ЛУЖИНА»

*Работа представлена кафедрой историко-культурного наследия
Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина.
Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Н. В. Борисова*

В статье исследуется проблема омертвления человеческой души по причине выбора неверного пути и конфликта с реальностью.

The problem of human soul dying because of choosing the wrong way and conflict with reality is researched in the article.

Роман В. Набокова «Защита Лужина», увидевший свет в 1929 г. в «Современных записках», утвердил автора как одного из ведущих писателей литературного зарубежья. Проблематика произведения и повествовательная манера Набокова никого не оставили равнодушными. Критики отметили глубокую психологичность романа, не сюжетную, а «человеческую»: «Образ живого человека является... центральным и организующим, и в его убедительности основная удача романа»¹. Современные исследователи указывают на своеобразие и силу русскоязычной манеры Набокова, «вызревших» в «Защите Лужина», отмечая «резкое раздвижение эмоционального, психического опыта» и «удивительную грацию, с которой тонкие, зыбкие, пограничные состояния облекаются в плотно сотканную словесную ткань»². По справедливому суждению А. Долинина, от этого романа «протягиваются нити ко всей последующей русской прозе Набокова»³.

В художественной системе писателя одним из важнейших мотивов является мотив метафизической смерти личности, и он особым образом реализуется в романе о судьбе талантливого, но полубезумного шахматиста.

В «Защите Лужина» Набоков поднимает экзистенциальную проблему взаимоотношения человека с миром и изображает

медленное, неуклонное отмирание души, вставшей на неверный путь. Стоит предположить, что автор не нагружает дополнительным смыслом эпизоды, связанные с физической смертью людей и ее атрибутами; они скорее элемент сюжетной канвы (за исключением гибели главного героя в финале). Оппозиция «мертвое – живое» во всей своей полноте и сложности явлена в другом: в противостоянии истинного и ложного начал бытия.

Главный герой Лужин, будучи впечатлительным, одиноким ребенком из душевно неблагополучной семьи, рано вступил в конфликт с реальностью. Миновав счастливую пору раннего детства, он приобрел первую социальную роль – ученика школы, но этот шаг привел Лужина к колоссальным личностным утратам. Он лишился имени, которое заменила номинация по фамилии, и сделался изгоем в среде агрессивных одноклассников. С этого момента понятия «жизнь», «живой», «оживать» и т. п. употребляются автором как антагонистичные состоянию героя, тогда как тому становятся присущи «апатия, сонливость, неповоротливость».

Важную роль в романе играют мотивы тьмы и света, являясь параллелями мотивам смерти и жизни. Образ естественного света символизирует радость бытия (лужинское счастливое воспоминание детства

«пропитано было солнцем»). Образы тьмы, сумрака, мути, тумана несут значение ущербности, оторванности от реальности, омертвления. В существовании героя им противопоставлено искусственное освещение (образы ламп, прожектора и т. д.), но поддельный свет – метафора душевной жизни героя в связи с шахматной игрой – будет гаснуть на протяжении романа.

О том, как это начиналось, повествует следующий эпизод: «...Наступил для Лужина тот неизбежный день, когда весь мир вдруг потух, как будто повернули выключатель, и только одно, посреди мрака, было ярко освещено... блестящий островок, на котором обречена была сосредоточиться вся его жизнь. Счастье, за которое он уцепился, остановилось... в другой плоскости продолжалось движение дней...»⁴. Герой погружает свою душу в метафизическую тьму, выпадая из подлинной жизни и переходя в виртуальную реальность шахматной игры. Юный Лужин стал заложником своего дара – истинная реальность уже ничем не привлекала и не удерживала его на пути в бездну абстракций, где он жаждал не только творческой реализации, естественной личностной потребности, но и внутренней защиты от непредсказуемого окружающего мира.

Характерно описание комнаты, где герой в одиночестве просматривал старые журналы в поисках шахматных задач: «...Даже в самые жаркие дни была могильная сырость, сколько бы ни открывали окна, выходявшие прямо в тяжелую, темную хвою... в этой нежилой комнате, где на голом письменном столе стоял бронзовый мальчик со скрипкой, был незапертый книжный шкаф, и в нем толстые тома вымершего иллюстрированного журнала»⁵. Данный эпизод отличается концентрацией особо значимых мотивов. Встречается несколько определений, связанных с темой смерти: могильная сырость, нежилая комната, вымерший журнал. Снова упоминается тьма: темная хвоя загораживает вид из окна. Окно символизирует интерес к миру,

и в художественной системе писателя оно – один из ключевых «оптических» образов, связанных с антиномией «зрячести» – «слепоты» (прежде всего душевных). Парадигму «мертвых образов» довершает статуэтка мальчика (искусственное – не живое), и так явлена оппозиция «человек» – «кукла», она же – вещь. Образы и подобию человека (куклы, марионетки, манекены и т. п.), встречающиеся на страницах набоковских романов, обычно не знаменуют ничего хорошего, как правило, символизируя овеществление души, следствием которого становится ее омертвление. Лужин не замечает угрожающей безжизненности обстановки, он поглощен одной целью. Шахматная игра предстает противопоставлением нормального бытия.

Увлечение героя не раз определяется автором как «роковая страсть», а страсть, как известно прежде всего из христианского вероучения, захватывая душу в плен, ведет ее к неминуемой гибели. Недаром Набоков ближе к концу романа введет упоминания ада (другие встречающиеся синонимы: «бездна» и «тартар»). К тому же Лужин, в бреду веря в существование «шахматных богов», таким образом творит себе кумира.

Омертвление, проникшее в душу героя, распространилось и на его взаимоотношения с родителями. Став шахматным вундеркиндом, верным служителем своего невещественного идола, Лужин фактически умирает для них. Взрослый сын перестал существовать для души матери, остался родным лишь в памяти, как покойник. Отец пошел дальше, совершая своего рода метафизическое сыноубийство – в своем творчестве, на бумаге. Напрашивается вывод, что родители Лужина также были в конфликте с реальностью и пытались по-своему преобразовать ее, при этом зачеркивая для себя живого человека, а сын отвечал им тем же. Так явлен еще один аспект рассматриваемого мотива: человеческое отчуждение как одна из мертвых сторон бытия. Проблема душевной разобщенности людей входит в

число основных в этической системе Набокова. Человеческое равнодушие окончательно сломило главного героя в его взаимоотношениях с реальностью, и фатальную роль в этом плане сыграл самозванный антрепренер вундеркинда, лжец и авантюрист Валентинов, который «безостановочно поощрял, развивал его дар, нимало не заботясь о Лужине-человеке, которого, казалось, не только Валентинов, но и сама жизнь проглядела»⁶. Иначе воспринял антрепренера шахматист, и впервые в отношении чувств Лужина говорится о любви – сыновней, но она трагична и обречена. Человека «проглядели» все окружавшие его, и он внутренне ушел из мира живых. Автор использует немало определений так называемого «полубытия» персонажа: «существование», «машинально», «по инерции», «мутная жизнь».

Не раз проходит вышеупомянутый мотив овеществления – герой сравнивается с предметами шахматного мира: «чувство, будто мозг одервенел и покрыт лаком», «странно болела голова, не вся, а частями, черными квадратами боли», «ноги от пяток до бедер были налиты свинцом, как налито свинцом основание шахматной фигуры». Однажды Лужину приснился кошмар, будто он – пешка на шахматной доске.

И все же главному персонажу вроде бы дается шанс к возрождению. Появление девушки, будущей жены героя, было многообещающим, и Лужин, не могущий избежать слышавшегося порой «шума одиночества», теперь «почувствовал успокоение и гордость, что вот, с ним говорит, занимается им, улыбается ему настоящий, живой человек»⁷. Впервые за долгое время герой пытается повернуться лицом к жизни, хотя это ему не очень удается – из-за былой необщительности он не совсем адекватен. Но тут страсть к игре достигает свое-

го апогея. Лужинская шахматная звезда давно начала меркнуть, он интуитивно ощущал и все усиливающуюся ограниченность творческих сил, и опасность утраты главного прибежища. В итоге очередная партия вызвала у него срыв на грани помешательства.

Почему же Лужин, отрекшийся было от шахмат, окруженный вниманием и заботой, возвратился в долину духовной смерти, исходом чего стала смерть физическая, притом самоубийство, что всегда свидетельствует о гибели души, тогда как тело уже следует за ней? Он не поборол разрушительную страсть, но и не обрел полноценное бытие: «Цель атаки ясна. Неумолимым повторением ходов она приводит опять к той же страсти, разрушающей жизненный сон. Опустошение, ужас, безумие»⁸. Обращает на себя внимание словосочетание «жизненный сон»: реальность не стала для Лужина явью, и никто из близких этого не осознавал. Он рядом со своей невестой, потом женой оказался все же не в настоящей жизни, а в театре повседневности. Набоков неоднократно сравнивает окружавшую персонажей обстановку с декорацией, и все заметные герои так или иначе лицедействуют – за исключением Лужина. Он окутан жалостью и подобием любви, но по-настоящему его не любят и не понимают. Заботящиеся о нем люди фактически спровоцировали его манию «дежа вю», внутренне вернув героя в прошлое, заставляя проживать все заново. Эта затея изначально обречена на провал, ведь заново ничего прожить нельзя. Одно дело – черпать из воспоминаний творческие силы (что делали близкие Набокову персонажи), другое – играть по правилам изведенного, но вместе с тем миновавшего мира в живой, непредсказуемой реальности. Беспомощный Лужин стал жертвой былых кошмаров и погиб, почти не жив по-настоящему.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Новик Ал. Защита Лужина // Классик без ретуши. Литературный мир о творчестве Владимира Набокова: Критические отзывы, эссе, пародии / Сост. Н. Мельников. М.: Новое литературное обозрение, 2000. С. 68.

² *Мулярчик А. С.* Русская проза Владимира Набокова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997. С. 48.

³ *Долинин А. А.* Истинная жизнь писателя Сирина: первые романы // Набоков В. В. Собрание сочинений русского периода в 5 т. СПб.: Симпозиум, 1999–2000. Т. 2. С. 41.

⁴ *Набоков В. В.* Защита Лужина // Набоков В. В. Романы. М.: Современник, 1990. С. 119.

⁵ Там же. С. 128.

⁶ Там же. С. 153.

⁷ Там же. С. 157.

⁸ Там же. С. 250.